

ТАЛАНТ, ТРУД, СУДЬБА...

Вера Панова. «О моей жизни, книгах и читателях». Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 1980.

ВЕРА ФЕДОРОВНА ПАНОВА не раз говорила, что у каждого человека с годами возрастает стремление «остановиться, оглянуться», глубже познать самого себя, свое время, людей, окружавших тебя с молодых лет, желание осмыслить свою жизнь как целое. Для писателя, художника такое стремление особенно естественно, и уже со второй половины пятидесяти годов в творчестве Пановой возникают и усиливаются автобиографические мотивы. «Сентиментальный роман» был первым осознанным шагом в этом направлении, но для книги о себе и собственной жизни тогда еще не наступил час. Многие из старших современников Пановой успели развернуть к тому времени широкие художественные полотна, обнаружившие неисчерпаемые резервы и огромные возможности мемуарно-биографического жанра.

Панова с особым пристрастием читала мемуары Эренбурга, когда они книга за книгой появлялись в печати; она высоко ценила их. И тем не менее в художественном плане Панова отдавала предпочтение мемуарной прозе другого типа. Как современную классику оценивала она произведения, составившие «Повесть о жизни» Константина Паустовского, считала подлинным открытием в прозе «Дневные звезды» Ольги Берггольц.

Замысел собственной автобиографической книги Пановой созрел, таким образом, на хорошо подготовленной почве — пример многих авторов свидетельствовал о неуклонном возрастании роли мемуарного жанра, о разнообразии личностного, лирического и автобиографического элемента в художественной прозе.

«Впечатления юности, осмысленные через много лет, лежали на моих плечах как груз, — признала Панова в 1960 году, — я его сняла, написав

«Сентиментальный роман». Оказалось, однако, что при всем богатстве личных впечатлений, отстоявшихся в главах «Сентиментального романа», давний груз был снят далеко не полностью. И не потому только, что реальные впечатления юности были отданы вымышленному литературному герою. В роман не вошли и более ранние воспоминания детства, связанные с дореволюционным Ростовом, и более поздние драматические события тридцатых годов, и многое из того, что было пережито в дни Отечественной войны, но так и не высказано ни в одном из написанных прежде произведений.

К своей последней автобиографической книге Панова шла много лет. Вели ее и новые исторические сюжеты, и поездки в другие страны, и внимательное изучение творчества современников, особенно старших, и неизменный интерес к произведениям молодых, и возраставшее с годами стремление полнее осознать и передать другим свой собственный литературный опыт. Все это служило материалом для «книги жизни», как она назвала ее: «О моей жизни, книгах и читателях».

Всю силу воображения, весь опыт и изобразительный дар Панова употребила на то, чтобы приблизиться к событиям прожитой жизни как они есть. Из повествования поэтому отброшено все, что может непроизвольно деформировать рассказ, привести в него элемент сочиненности. Главное в этом рассказе — простота, искренность, ощущение полной достоверности каждого факта, о котором говорит автор, и способность возбудить такое же ощущение у читателя.

В единстве двух моментов: точного изображения себя в окружающей среде и влияния исторически меняющейся среды на сознание, на внутреннюю жизнь формирующейся личности — заключается основной принцип, который последовательно проведен через все повествование Пановой. Отец, мать, семья, родственники, первые учительницы, первые классы частной ростовской гимназии Любимовой, а заодно очень выпуклые подробности жизни и быта дореволюционного Ростова, язык и нравы большого провинциального южнорусского города — таков самый ранний пласт воспоминаний Пановой, впервые открытый в ее мемуарной книге и не затронутый до того ни в одном из прежних произведений.

Широко развернутый рассказ о детстве, семье, школе и дореволюционном Ростове понадобился автору и как своего рода контрастный фон для повести о тех огромных переменах, социально-исторических и личных, свидетелем и участником

которых Панова стала вместе со своими сверстниками. Нечасто на протяжении жизни одного поколения так круто и решительно менялись все основания социального бытия и общественной нравственности.

Двадцатые годы в изображении Пановой воспринимаются как противоположность всему, что осталось за старой, дореволюционной чертой, и одновременно как пролог к новой драматичной эпохе тридцатых годов и Великой Отечественной войне. Каждое из этих десятилетий сохраняет в «книге жизни» Пановой свою атмосферу, свой преобладающий колорит и то особое внутреннее ощущение происходящего, которое было свойственно автору в детстве и отрочестве, на заре самостоятельной жизни и в пору зрелости, когда заканчивается формирование характера и все отчетливее прорисовывается судьба.

Нравственный опыт жизни, талант и труд сделали Веру Панову писателем, и ее последняя книга — это история становления творческой личности, правдиво засвидетельствованная самим автором. Оставаясь в действительном мире, не просто хорошо знакомом, но как бы заново пройденном насквозь от раннего детства и смерти отца до трагических дней оккупации Украины и поездок в санитарном поезде, Панова писала не протокол, а повесть своих душевных переживаний и потрясений, без которых не дано быть художником.

Ее повесть о жизни оставляет сильное впечатление своей обнаженной правдивостью, чувством ответственности перед современниками и стремлением соединить прошлое с будущим.

ЛЕНИНГРАД

А. НИНОВ